

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

ТОЛКОВЫЙ
СЛОВАРЬ

⁶
*в
четырёх
томach*

Москва

---

*«РУССКИЙ ЯЗЫК»
1989.*

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

ТОЛКОВЫЙ
СЛОВАРЬ
ЖИВОГО
ВЕЛИКОРУССКОГО
ЯЗЫКА

*Том
первый*

Аз

ББК 81. 2Р-4
Д15

Даль Владимир

Д15 Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4.— М.: Рус. яз., 1989—
ISBN 5-200-00748-8.
Т. 1: А — З.—1989.—699 с., 1 портр.— ISBN
5-200-01250-3.

В словаре содержится около 200 тыс. слов. Наряду с лексикой литературного языка первой половины 19 века здесь представлены областные слова, терминология разных профессий и ремесел, около 30 тыс. пословиц и поговорок.

По оценке академика В. В. Виноградова, «как сокровищница меткого народного слова Словарь Даля будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком».

Д $\frac{4602030000-149}{015(01)-89}$ Подписное

ББК 81. 2Р-4

ISBN 5-200-01250-3 (т. 1)
ISBN 5-200-00748-8

© Статья „Издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля»: Издательство «Русский язык», 1989

M. D. D.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ

«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля — явление исключительное и, в некотором роде, единственное. Он своеобразен не только по замыслу, но и по выполнению. Другого подобного труда лексикография не знает. Создатель его не был языковедом по специальности. О себе и своём словаре В. И. Даль говорит: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка»¹. Выдающийся знаток русского слова, В. И. Даль был чутким ценителем и заботливым собирателем русской речи в самых многообразных её проявлениях: меткая самобытная поговорка, загадка, сказка находили в нём внимательного собирателя и бережного хранителя. Отсюда и та необыкновенная полнота, с которой отражается народное речевое творчество в составленном им словаре.

Родился В. И. Даль 10 ноября 1801 года, умер 22 сентября 1872 года. Пятьдесят три года он собирал, составлял и совершенствовал свой словарь. Начав работу юношей, он продолжал её до самой смерти. В «Автобиографической заметке» он вспоминает: «3 марта 1819 года... мы выпущены в ученики, и я по желанию написан в Чёрное море в Николаев. На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал»². А за неделю до смерти, прикованный болезнью к постели, В. И. Даль поручает дочери внести в рукопись словаря, второе издание которого он готовил, четыре новых слова, услышанных им от прислуги³. В. И. Даль обладал исключительным интересом к русскому народному языку, творчеству и быту, а личная судьба его сложилась так, что ему пришлось побывать в различных частях обширного русского государства, прийти в тесное соприкосновение с многочисленными и разнообразными представителями русского народа, по преимуществу крестьянства. В. И. Даль родился в городе Луганске (теперь Ворошиловград) в семье врача, его детство прошло в Николаеве, откуда тринадцати лет он переехал учиться в петербургский Морской корпус. По окончании учебного заведения, получив первый офицерский чин, В. И. Даль около пяти лет прослужил во флоте, сначала на Чёрном, а потом на Балтийском морях. Не обладая подходящим для морской службы здоровьем, В. И. Даль, отслужив обязательный для воспитаннического на казённый счёт в военно-учебном заведении срок, вышел в отставку и поступил в Дерптский университет на медицинский факультет. В 1829 году он выдержал экзамен, защитил диссертацию и был направлен врачом в действующую армию в Турцию, затем участвовал в войне 1831 года с Польшей, а в 1832 году был переведён в Петербург на должность ординатора военно-сухопутного госпиталя. Но через год он снова переменил профессию и поступил чиновником особых поручений к оренбургскому губернатору. Новое служебное поприще потребовало от В. И. Даля частых и больших разъездов по краю и дало ему возможность узнать естественные и этнографические богатства далёкой и новой для него окраины России. Кипучая и деятельная натура Даля не ограничивается в эту пору собиранием материалов по языку и народной словесности. В. И. Даль вступает в живую связь с Академией наук, её отделением (классом — по тогдашней терминологии) естественных наук, посылает для пополнения коллекций Академии разнообразные экспонаты, характеризующие естественные богатства и природу Оренбургского края. Отмечая эту общественную деятельность В. И. Даля, Академия наук выбирает его 21 декабря 1838 года своим членом-корреспондентом. В ответ на это избрание в письме на имя непререкаемого секретаря Академии наук П. И. Фуса Даль с обычной для него скромностью в оценке своих трудов писал: «Не пользуясь достаточным учёным образованием, чтобы отличиться в какой-либо отрасли наук самостоятельными трудами, я сочту себя счастливым, если буду в состоянии способствовать сколько-нибудь учёным исследователям доставлением запасов или предметов для их общепользовательных занятий»⁴. В 1841 году В. И. Даль опять в Петербурге, служит крупным министерским чиновником, а в 1849 году его переводят в Нижний-Новгород управляющим удельной конторой. Десять лет Даль пробыл на этой должности, и лишь с 1859 года, выйдя в отставку и поселившись в Москве, он получает возможность

¹ В. И. Даль. Непутное слово, стр. XV.

² Полное собрание сочинений Владимира Даля. 1897—1898. Т. I, стр. XC1—XCV.

³ Там же, стр. I—XC: П. И. Мельников. В. И. Даль. Критико-биографический очерк.

⁴ Письмо В. И. Даля П. И. Фусу от 24 сентября 1839 г. (на немецком языке). Архив АН СССР, Ф. I, оп. 2—1839, § 569.

целиком отдаться завершению величайшего труда своей жизни — «Толкового словаря». В тридцатые годы имя Казака Луганского (литературный псевдоним В. И. Даля) получает широкую известность как популярного писателя из народного быта. Пушкин, высоко оценивая первый литературный опыт Даля — написанные им сказки, — поощрял Даля продолжать в этом же роде. Белинский был высокого мнения о таланте Даля. Но чем бы В. И. Даль ни занимался, он прежде всего оставался собирателем языкового и этнографического материала. В результате у него скопились огромные запасы слов, выражений, пословиц, поговорок, сказок, песен и других произведений народной словесности и возникло желание упорядочить эти материалы и обнародовать их. В. И. Даль попытался предложить свои «запасы», а вместе с ними и себя для разработки этих запасов в распоряжение «императорской» Академии наук, но это предложение не было принято. Оставалось на выбор: или забросить то, что собиралось не один десяток лет, или на свой страх и риск приступить к обработке материалов, пользуясь лишь нравственной поддержкой энтузиастов-единомышленников. В. И. Даль пошёл вторым путём. В результате и возник четырёхтомный словарь, который позже стал справедливо называться «Далев словарь» и по праву занял почётное и прочное место в истории русской культуры.

I.

В. И. Даль горячо сетовал на отрыв книжно-письменного языка его времени от народной основы, от живого русского языка, на обильное засорение книжной речи «чужесловами», то-есть словами, заимствованными из западноевропейских языков. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный», — писал В. И. Даль⁵. Составляемый им словарь, по его замыслу, должен был ответить этой задаче. Автор-составитель понимал, что путь преобразования литературного языка долгий и сложный, посильный лишь грядущим поколениям писателей и учёных. Свою роль он осознавал как роль начинателя большого и важного дела. Убеждённая уверенность В. И. Даля в высоких достоинствах русского языка, в безграничной способности его к совершенствованию, в полной возможности своими национальными средствами выразить любую мысль не покидала его на протяжении всего творческого пути и определила характер составленного им словаря. Своим словарём и обильно введёнными в него материалами народной речи В. И. Даль стремился указать современным средства народного обновления русского литературного языка XIX века. И, действительно, «Толковый словарь» Даля сыграл очень большую роль в подъёме интереса к живым говорам русского языка и к народной основе литературной речи.

Разбросанность теоретических высказываний В. И. Даля по разным его статьям⁶, остро-полемический характер их наряду с противоречиями между отдельными высказываниями, большая доля наивности в решении чисто практических вопросов языкознания, с одной стороны, и «учёные приговоры» критиков, представителей кафедральной науки, несколько несерьёзно относящихся к «самоучке-филологу» Далю, — с другой, помешали оценить теоретическое литературное наследие В. И. Даля, критического разбора которого, в сущности, в русской филологии нет⁷. В. И. Даль оценён лишь как практик-сборщик и составитель капитального словаря. За это ему была присуждена Академией наук Ломоносовская премия, за это он был выбран почётным академиком. Но обстоятельный и серьёзный разбор, которому подверг В. И. Даль выпущенный Академией наук «Опыт областного словаря», целый ряд критических замечаний, попутно высказанных им по поводу русской грамматики, русского правописания, и особенно диалектологические суждения В. И. Даля показывают, что по своему научному кругозору и уровню, во всяком случае в области лексикографии и диалектологии, он был не ниже многих признанных учёных, его современников. Мнение В. И. Даля о новом издании русского словаря, который проектировала Академия наук в 1854 году, показывает широту его лексикографических представлений наряду с их практичностью.

По выходе в свет «Толкового словаря» в Академии наук неоднократно поднимался вопрос об избрании В. И. Даля академиком. По официальной версии, только причины внешнего порядка могли помешать такому избранию. XI Отделение охотно избрало бы его (В. И. Даля) в действительные члены свои, если бы тому не препятствовало постоянное пребывание его в Москве⁸. По тогдашнему уставу Академии наук ее действительные члены должны были непременно жить в Петербурге, где находилась и сама Академия. Этим же уставом ограничивалось число академиков. Невозможность выбрать нового академика, пока не освободилось

⁵ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XIII.

⁶ В. И. Далем написан ряд статей, в которых он касается вопросов теории и практики культуры русской речи: «Напутное слово», «О русском слове», «О наречиях великорусского языка», «Ответ на приговор». Эти статьи помещаются в настоящем издании при первом томе «Толкового словаря». Статьи «Полтора слова о русском языке», «Недовесок к статье «Полтора слова о русском языке» и ряд полемических писем об иностранных словах к М. П. Погодину напечатаны в X томе Полн. собрания сочин. Владимира Даля.

⁷ В. И. Далю как лексикографу посвящена диссертация М. В. Канкава. Автореферат. Тбилиси, 1952.

⁸ Архив АН СССР, Ф. 9, оп. 1, № 358.

для него место, привела к экстраординарному предложению академика М. П. Погодина: «Словарь Даля кончен. Теперь русская академия наук без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю. Быбывший займёт первую, какая откроется, вакансию»⁹.

В. И. Даль не ошибался в той высокой оценке, какую он давал русской народной речи: «Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи»¹⁰. Этот его завет неоспорим, и тот путь, которым шли и идут лучшие мастера художественного слова, создатели великой русской литературы, подтверждает правильность его мысли. В. И. Даль вовсе не считал обязательным переносить всё из народной речи в язык литературно-книжный. В этом отношении он совершенно недвусмысленно характеризует свой словарь как собрание материалов, которые подлежат переработке под пером писателя: «Я никогда и нигде не одобрял безусловно всего, без различия, что обязан был включить в словарь: выбор предоставлен писателю»¹¹. Больше того, он предостерегает от внесения в литературную речь резко выраженных областных слов и оборотов, которые приводят к порче литературного языка, засорению его. «Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все, решившиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, сам составитель словаря»¹². Между этим заявлением и одной из попыток сближения литературного языка с народным, которую демонстрировал Даль Жуковскому за двадцать пять лет до того, существует заметная разница. Взгляды и вообще мировоззрение В. И. Даля, несомненно, эволюционировали, отчасти и под влиянием критики, которой они подвергались. В 1837 году, встретившись в Уральске с Жуковским, Даль представил ему образец двоякого способа выражения: общепринятого книжного и народного. Фраза на книжном языке имела такой вид: «Казак седлал лошадаь как можно поспешнее, взяв товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах подвергнуться на него напасть». На народном же — «Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить». В ответ на характеристику В. И. Далем народного способа изложения как более короткого и выразительного В. А. Жуковский заметил, что вторым способом можно говорить только с казаками и притом о близких им предметах. Справедливость ответа Жуковского, очевидно, побудила Даля к пересмотру своих убеждений. Во всяком случае, от крайностей он постепенно освобождался. Личный опыт обработки Далем народного языка с целью превращения его в язык книжно-литературный оказался неудачен. Борьба за создание литературного языка на народной основе, сближение литературного языка с живым, разговорным языком широких демократических слоёв общества — эта задача была продиктована эпохой Даля и решалась его великими современниками Пушкиным и Гоголем.

В. И. Даль глубоко волновал вопрос об иноязычных заимствованиях в русском литературном языке; в его высказываниях по этому поводу содержится немало и здравых мыслей, хотя в целом его теория явно необусловительна и носит путанный характер. В. И. Даль объявляет войну далеко не всем иноязычным словам, проникшим в русский язык: «Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи, но к чему вставлять в каждую строчку: моральный, оригинальный, натура, артист, грот, пресс, гирлянда, пьедестал, и сотни других подобных, когда без малейшей натяжки можно сказать то же самое по-русски? Разве: нравственный, подлинный, природа, художник, пещера... хуже? Нисколько, но дурная привычка ходить за русскими словами во французский и немецкий словарь делает много зла. Мы очень нередко видим, что писатели вставляют самым странным образом французское слово, явно против воли и желания своего только потому, что не могли в скорости найти русского, или даже не знали его — неужели и это хорошо и извинительно»¹³. Не всегда предложения В. И. Даля в отношении замены являются счастливой находкой и приемлемы; вряд ли кому-либо придёт в голову заменять иноязычное по происхождению слово пьедестал рекомендуемым Далем русским словом стояло, но самая идея замены ненужных иноязычных слов, особенно в области специальной научной и технической терминологии, близка нашему времени.

Когда В. И. Даль пишет: «читатели и писатели, надеюсь, согласятся, что между словами: сапог, кушак, журнал — и какими-нибудь газонами, кадаверами, кавернами, есть разница»¹⁴, — он стремится ограничить иноязычные заимствования, усвоенные под влиянием действительной нужды, с одной

⁹ Н. Н. Модестов, Вл. Ив. Даль в Оренбурге, Оренб., 1913, стр. 82.

¹⁰ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XIV.

¹¹ В. И. Даль. Ответ на приговор, стр. LXXXVII. Ср. Напутное слово, стр. XVII—XX.

¹² В. И. Даль. Напутное слово, стр. XIV.

¹³ Полн. собрание сочин. Вл. Даля. Т. X, стр. 551.

¹⁴ Там же, стр. 576.

стороны, от заимствований под влиянием моды и слепого подражания — с другой. Реформатор-одиночка, мировоззрение которого было весьма близко к славянофилам, В. И. Даль не мог найти правильного решения вопроса об иностранных словах в русском языке, а его практическая пуристская деятельность шла вразрез с прогрессивным течением общественной мысли. Современная Далю критика упрекала его в том, что он впадает в крайность, борясь с «чужесловыми». В. И. Даль, видимо, сам отдавал себе в этом отчёт, когда писал: «Во всяком новом деле крайности неизбежны; станется, что и тут было не без того. Но из крайности той может выйти со временем что-нибудь путное, из посредственности же никогда и ничего не выйдет»¹⁵.

В. И. Даль не избегал иноязычных слов в своём словаре, справедливо считая: «От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка»¹⁶. Помещая «чужесловы» в своём словаре, он хотел обезвредить их, вывести из употребления своеобразным приёмом: подбирая им замены и иногда создавая для этой цели новые слова. Далю казалось, что при возможности такого выбора отпадёт потребность в «чужесловах». Вступая на путь словотворчества, Даль не самообольщался: ему были ясны все трудности продвижения в жизнь нового слова по личному почину. «Переводы эти, — писал он, — многих соблазняют и вызывают на глумление; признаемся, что на это пенять нельзя: где только, в применении малоизвестного слова, видна натяжка, а тем более во вновь образованном погрешность против духа языка, там оно глядит рожном»¹⁷. В. И. Даль, конечно, был убеждён, что в его опытах не будет «погрешности против духа языка», что он тщательнее и стремился доказать, сердясь и негодуя, когда оставался непонятым. Слабая сторона позиции В. И. Даля была в другом: ему было чуждо понимание социальной природы языка. Изобретённые В. И. Далем слова: колозёмица, мирокблица (атмосфера), небозём (горизонт), насылка (адрес), носохватка (пенсне), сáмoтник (эгоист) и другие подобные не могли войти в практику живого речевого общения, оставаясь мёртвыми препаратами, так как они не были рождены «настойтельной пуждой в общении с другими людьми»¹⁸. Апелляция же к тому, что «чужесловы» не соответствуют «духу русского языка», не помогала. Идея борьбы с употреблением иностранных слов без надобности своё правильное выражение находит в заметке В. И. Ленина «Об очистке русского языка»¹⁹, которая служит опорой в борьбе за чистоту и правильность русской речи.

В. И. Даль несколько раз высказывал убеждение, что «словарник не узаконитель, а раб языка; что есть, то он обязан собрать», но на деле он не остался на этой скромной позиции. Он пожелал быть не только собирателем, но и реформатором русского языка. И если его собирательская деятельность встречала полное сочувствие и одобрение современников, то его пуристические попытки осуждались неоднократно и вполне справедливо.

II.

«Толковый словарь» выходит в настоящее время шестым изданием²⁰. Со времени первого издания прошло почти девяносто лет. Этот долгий срок жизни знаменитого детища Даля свидетельствует о его выдающихся лексикографических достоинствах. Являясь одной из самых богатых сокровищниц человеческой речи, Словарь Даля навсегда останется классическим памятником литературы. Предельно сжатую, но исключительно верную и глубокую характеристику и оценку дал Толковому словарю Даля В. И. Ленин в письме к А. В. Луначарскому от 18 января 1920 г.: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарём Даля. Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»²¹. В воспоминаниях В. И. Бонч-Бруевича, бывшего управляющим делами Совнаркома, рассказывается, что Словарь Даля стоял на этажерке рядом с письменным столом в совнаркомовском кабинете В. И. Ленина, что Владимир Ильич постоянно изучал Словарь Даля, интересовался «поговорками и пословицами, которые там были приведены»²², читал Словарь как увлекательную книгу и «высказывал

¹⁵ Полн. собрание сочин. Вл. Даля. Т. X, стр. 565—566.

¹⁶ В. И. Даль. Непутное слово, стр. XXIV.

¹⁷ Там же, стр. XXIV.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Партиздат. 1937. Т. IV, стр. 20—21.

¹⁹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4, 1951. Т. 35, стр. 369.

²⁰ Первое издание выходило при жизни В. И. Даля в 1863—1866 гг., второе издание было посмертным (1880—1882 гг.). Это издание повторено фотомеханическим способом Гослитиздатом в 1935 г. Третье издание, осуществлённое под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртена, исправленное и дополненное, выходило в 1903—1909 гг.; четвёртое издание 1913 г. является стереотипным повторением третьего. Данное издание представляет собой точное воспроизведение путём набора второго издания Словаря Даля 1880—1882 гг. Второе издание оказалось несободным от опечаток и других погрешностей. Эти опечатки и ошибки при их выявлении исправлялись Издательством иностранных и национальных словарей, причём каждый случай проверялся по первому изданию.

²¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4, 1951. Т. 35, стр. 369.

²² В. Бонч-Бруевич. Изучение лабораторией творчества В. И. Ленина. РАПП, № 3. В. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. На литературном посту, 1931, № 4.

своё восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка»²³. Трудно найти более высокую оценку книге, чем указание на то, что она была в числе тех, которые служили великому гению революции и создателю Советского государства, что к ней он многократно обращался как к богатейшему собранию разнообразных материалов русской речи.

Рекомендации Словаря Даля как увлекательной и занимательной книги для чтения, советы воспользоваться таким полезным чтением делались неоднократно и разными авторами. Академик Грот, один из первых исследователей «Толкового словаря», вскоре после выхода книги писал: «Словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать её или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдёт в ней знакомого, родного, любезного, и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода, и для литературного дела»²⁴. Писатель К. Чуковский в двадцатых годах заявлял: «Нужно, чтобы переводчики всячески пополняли свой мизерный запас синонимов. Пусть они воспользуются знаменитым советом Теофиля Готье и возможно чаще читают словарь. Даль — вот кого переводчикам нужно читать»²⁵.

Словарь Даля не потерял своего значения и для наших дней. Его повторное издание в советское время обусловлено величайшим размахом культурного строительства в СССР, тяготением широчайших слоёв трудящихся к овладению культурой, стремлением многочисленных народов Советского Союза к овладению великим и могучим русским языком, незаменимым орудием культурного подъёма. «Толковый словарь живого великорусского языка» — это ластоящая энциклопедия русского народного быта, склада ума и характера, нашедших своё выражение в речи. Достаточно указать, что В. И. Даль под разными словами поместил около тридцати тысяч пословиц. Словарь Даля далеко выходит за пределы, которые ограничивают обычные филологические словари: он объясняет и предметы, характеризующие русский народный быт, и поверья, и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарём, а также даёт множество других этнографических сведений. Толкуя то или иное слово, В. И. Даль подбирает множество синонимов, свидетельствующих об исключительном богатстве русского языка, его гибкости и выразительности, он показывает безграничные словообразовательные возможности русского языка.

Помимо отдельных слов в Словаре Даля приводятся и объясняются тысячи словосочетаний и устойчивых оборотов речи. Огромное большинство подобного речевого материала ни в какие другие словари русского языка не введено, а между тем этот фразеологический материал имеет широкое хождение в живой неприукрашенной русской речи, часто встречается на страницах классической и современной русской литературы. Десятки миллионов людей всех возрастов, всерьёз изучающих русский язык, пугаются в разъяснении, в истолковании этих так называемых идиоматических средств русского языка. И до тех пор, пока не будет создан новый обширнейший словарь русского языка, заключающий в себе не только слова и выражения, употребляемые в русской литературной речи, но и слова территориальных и профессиональных диалектов, слова, принадлежащие просторечно и разговорно-бытовой сфере общения, Словарь Даля останется незаменимым пособием-справочником по русскому языку в широком значении этого понятия. Этот словарь-справочник полезен тем, что охватывает лексику письменной и устной речи XIX века, а частично даже и словарный состав памятников древней письменности, но он совершенно незаменим, когда речь идёт о живом народном языке, когда нужны сведения о словах областных, о понятиях, связанных с условиями дореволюционного крестьянского быта, о народных верованиях и представлениях, нашедших отражение в лучших произведениях русской классической и современной литературы.

III.

Разбирая «Толковый словарь» Даля, следует охарактеризовать: 1) объём и состав его; 2) построение словаря; 3) выработанные В. И. Далем приёмы толкования слов. Надо заметить, что при выработке типа своего словаря В. И. Даль опирался на обширную предшествующую лексикографическую литературу, которая ему была хорошо известна.

1. В основу своего Словаря В. И. Даль намерен был положить народный язык, но он не закрывал доступа и словам книжно-письменного языка и даже «чужесловам», с распространением и употреблением которых, как сказано выше, вообще боролся. Должны были найти место в Словаре и все слова областные и местные по употреблению. Вводились также слова церковнославянские и устарелые, но количество их ограничивалось оглядкой на употребительность в живом языке. Столь широкий замысел и объём граничили с невыполнимостью задачи, что не ускользало от внимания и самого составителя. Руководящая цель, во всяком случае,

²³ В. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич. Читатель и писатель, 1928, № 2.

²⁴ Я. К. Грот. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Труды. Т. II. СПб, 1899. Стр. 43.

²⁵ К. Чуковский. Переводы прозаические. Сб. «Принципы художественного перевода», Гос. изд. Петербург, 1920. Стр. 38.

определила характер Словаря Даля. Сам он обозначал эту цель в следующих словах: «Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходящие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчинённых и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями оковыми; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры, с показанием условных оборотов речи, значения видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.»²⁶.

Ближайшими предшественниками «Толкового словаря» были два словаря, изданных Академией наук: «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. и «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. О первом словаре В. И. Даль говорит, что на нём основал он весь свой труд, а что касается второго, то он послужил ему для пополнения его собственных запасов областной лексики. Академический словарь 1847 г. содержал около 115 тысяч слов, словарь же, составленный В. И. Далем, включает больше 200 тысяч слов, — таким образом, он был и остаётся до сих пор самым обширным словарём русского языка. Сразу же по выходе первого издания, ещё при жизни В. И. Даля, начали появляться дополнения²⁷ к его словарю с указанием существующих в русском языке, но не вошедших в Словарь Даля, пропущенных им слов. Рядом с пропуском отдельных слов обнаруживались и пропуски отдельных значений слов, отчасти возникшие как следствие неудовлетворительных приёмов толкования. В. И. Даль старательно собирал такие дополнения, желая воспользоваться ими для второго издания своего словаря.

Особо ценным фондом в Словаре В. И. Даля следует считать огромное количество слов, связанных с ремёслами, промыслами, народной медициной, естествознанием. До Словаря Даля значительная часть подобного материала или была разбросана по разным изданиям, или вовсе не была известна. Как уже отмечалось выше, множество сведений, содержащихся в Словаре В. И. Даля, далеко выходят за пределы чисто филологического порядка. Это исключительно ценные этнографические материалы. Так, например, при слове лапотъ не только охарактеризованы все типичные виды лаптей, части (с их названиями), из которых лапотъ состоит, но указан даже и способ изготовления этого рода устарелой в наше время обуви. При слове масть В. И. Даль объясняет до пятидесяти названий конских мастей; при слове гриб — десятки видов грибов; при словах мачта, парус даются не только названия различных видов мачт и парусов, но объясняется и их назначение. Рядом с названиями, заимствованными из голландского и английского языков (флотские названия), даются и названия, возникшие и употреблявшиеся на Каспийском и Белом морях и на больших русских реках. Под словом рукобитье, например, объясняется сложный свадебный обряд и целый ряд связанных с ним обычаев, характерных для свадьбы в старом крестьянском быту. Акад. Я. Грот, составитель разбора Словаря В. И. Даля по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук, об этом рода материалах в словаре писал: «Вещественные толкования в Словаре Даля относятся к столь разнородным предметам, что мы никак не можем взять на себя критической их проверки: это потребовало бы особенных разысканий»²⁸.

2. Приступая к упорядочению собранных им огромных запасов слов, В. И. Даль мучительно искал удобного способа расположения их в своём словаре. Ему были хорошо известны два противоположных способа: алфавитный порядок расположения слов и корнесловный способ группировки их, при котором группы слов, возводимых к общему корню, объединяются в гнезда, а во главе гнезда ставится или самый корень, как это было принято в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг., или более или менее произвольно устанавливаемое исходное слово. В. И. Даль выбрал для себя путь средний: слова того же корня (за исключением приставочных образований, помещаемых под буквами, с которых они начинаются) в его словаре группируются в гнезда, а во главе такой группы «кодногнездки» выставляется глагол или имя. Выбранный способ словорасположения, по мнению В. И. Даля, способствует постижению духа языка и раскрывает законы его словообразования. «Не усвоим ли мы себе легче утраченный нами дух языка, — спрашивает В. И. Даль, — при том гнездовом или семейном порядке составления словаря, какой читатель видит ныне перед собою?»²⁹. Выгодная сторона гнездового словорасположения несомненна: современная В. И. Далю научная критика не могла отказать составителю в преимуществе того способа, при помощи которого он стремился раскрыть смысловые связи слов и дать семантическую и словообразовательную характеристику слова и языка в целом. Но, обладая некоторыми достоинствами, избранный В. И. Далем способ построения словаря был

²⁶ В. И. Даль. Непутное слово, стр. XXIII.

²⁷ П. Шейн. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. Сб. отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук. СПб., 1873. т. X, стр. 8. И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. Сб. отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук. СПб., 1874, т. XI, 6. Я. К. Грот. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. Филологические разыскания. 1899. т. II, стр. 401—433. Эти и некоторые другие дополнения были использованы во 2 изд. «Толкового словаря».

²⁸ Я. К. Грот. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Филологические разыскания. СПб., 1899. т. II, стр. 41.

²⁹ В. И. Даль. Непутное слово, стр. XX.

чреват и трудностями, которые легко приводили к недочётам и промахам. Возможность таких промахов была обусловлена ещё и тем обстоятельством, что В. И. Даль не был языковедом-теоретиком. Он произвольно соединял в одно гнездо такие слова, которые явно несоединимы; это касалось в равной мере и слов русских, и слов иноязычных. В одно гнездо попали простой и простор, тлеть и тло, колеть и кол; под словом акт оказались помещёнными: актёр, акциденция, акция и акция; вальс и вальц были в одном гнезде. С другой стороны, не объединёнными в одно гнездо оказались такие явно тяготеющие друг к другу слова, как дикий и дичь, знак и значок, круг и кружить и др. под. Самый же существенный недостаток гнездового построения словаря заключается в том, что такой словарь теряет качества удобного справочника: иногда нужное слово так далеко упрятано, что трудными становятся его поиски даже для человека с хорошей филологической подготовкой³⁰.

3. Характеризуя способы раскрытия значения толкуемого слова, В. И. Даль отрицательно относится к приёму толкования значения при помощи развёрнутых определений: «При объяснении и толковании вообще избегались сухие бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учёности, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлечённостью»³¹. Скептическое отношение к возможности передать смысл слова повествователью, в формуле В. И. Даль подкрепляет соображением, не лишённым доли истины: «Общие определения слов и самых предметов и понятий дело почти не исполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее». Преимущество он видит в другом приёме: «Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры ещё более поясняют дело». Не отказываясь целиком от развёрнутых определений значения слова, особенно когда дело касается вещественных толкований, В. И. Даль широко пользуется подбором к толкуемому слову группы синонимов и слов, более или менее сходных по значению, которые предназначены передать смысл толкуемого слова. За этим обычно следует перечень оправдательных иллюстративных примеров употребления слова в пословицах, поговорках или кратких авторских речениях. Этот предпочитаемый составителем «Толкового словаря» приём ограничивал его возможности: он не позволял раскрыть сумму значений в слове, чётко отделить одно значение от другого и показать возможность оттенков значений. Толкуя то или иное слово, В. И. Даль часто произвольно сближает его с другим словом, вовсе не являющимся его постоянным синонимом или относящимся к другому диалекту. Так, например, в «Толковом словаре» при слове бодрый стоят слова, предназначенные передать его значение: дюжий, здоровый, осланистый, видный. Между тем, они не совпадают по значению со словом бодрый, не передают его смысла, хотя, может быть, слово бодрый в некоторых говорах русского языка включает и эти оттенки значения. Слово бобыль, например, толкуется в словаре при помощи мнимого синонима пролетарий.

Расположение и характер приводимых для иллюстрации оправдательных примеров к словам часто подчинены случаю и произволу и не соотносятся с выделяемыми в слове значениями. Иногда подобных примеров неоправданно много, и среди них попадаются даже такие, которые не содержат того слова, иллюстрировать которое предназначены. Они притягиваются далёкими смысловыми ассоциациями. Под словом май, например, встречаются иллюстрации с именем Никола, потому что Николин день бывает в мае. Под словом постный помещён пример на имя Предтеча только потому, что Предтечу в народе называли иногда Иваном постным.

IV.

Отмечая большие достоинства Толкового словаря, не следует упускать из виду и его недостатки. Важнейший из них отмечен и в отзыве В. И. Ленина: словарь сильно устарел. При пользовании этим словарем надо отдавать себе полный отчёт в том, каким требованиям словарь удовлетворить не может, чего не следует от него ожидать. Прежде всего, разумеется, это не словарь современного литературного языка³². Русский литературный язык за тот длинный период, который отделяет нас от времени появления Словаря Даля, неизмеримо вырос, причём особенно большие сдвиги, характеризующие словарный состав языка, произошли после Великой Октябрьской социалистической революции, в последующую за ней эпоху строительства соци-

³⁰ Так, чтобы узнать, например, как толкуется в Словаре В. И. Даля сочетание звено осетрины, надо «догадаться» обратиться к гнезду, во главе которого стоит глагол звенеть. В этом гнезде звено осетрины толкуется как «ломать во всю толщину рыбы». Значение слова звено в этом сочетании, очевидно, рассматривается как переносное по отношению к слову звено, как часть цепи, а последнее, видимо, этимологизруется как «производящее звук», потому слово звено объединяется в одно гнездо со словом звенеть.

³¹ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XXII.

³² Словарями-справочниками по современному русскому литературному языку являются: «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, тт. 1—4. М., 1935—1940 гг.; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, 3 изд. М., 1953 г. и «Словарь современ. русск. лит. языка» АН СССР. Т. I. Л., 1948. Т. II. Л. 1951. Т. III. Л. 1954. (намечается издание 15 томов).

лизм в СССР. Появилось множество новых слов, переосмыслились значения многих старых слов, особенно слов, относящихся к области общественно-политической терминологии. Коренным образом изменились многие представления и понятия. Естественно, что с точки зрения представлений, характерных для советского человека, старые словари, каким является и Словарь Даля, содержат много устарелого, рутинного. Толкование слов, связанных своим значением со структурой современного В. И. Даля общества, группировкой классовых сил, борьбой с официальной идеологией монархическо-крепостнического строя, обнаруживает ограниченность, а порой и отчётливую консервативность мировоззрения В. И. Даля.

Ни в коем случае не следует опираться на Словарь Даля в поисках лексических и грамматических норм современного русского литературного языка. Это прежде всего словарь «областнический», то есть словарь, который широко представляет живой русский язык во всех многообразных формах его проявления и со всеми особенностями, которые ему присущи в зависимости от места, где он употребляется (говоры территориальные), и узкого круга носителей, объединяемых условиями занятий, профессией и т. п. (говоры социальные и жаргоны). Нередко наблюдаемое стремление широко пользоваться словами областными (особенно у некоторых молодых писателей) и попытка опереться в этом на «Толковый словарь» Даля не может быть оправдана, как не оправдывал такого стремления в свою пору и сам В. И. Даль, который подчёркивал неоднократно: «Повторю, для людей добронамеренных, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже все слова речи этой должны быть внесены в образованный русский язык; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить её себе, как всё живое усваивает себе добрую пищу и претворяет её в свою кровь и плоть»³³. Чувство меры и такта в пользовании просторечными и областными словами отчётливо звучит в другом его совете писателям-современникам: «Изучать нам надо народный язык, спознаться через него с духом родного слова, и принимать или перенимать с толком и чувством, с расстановкой»³⁴.

Решительная борьба В. И. Даля с иноязычными заимствованиями в русском языке, а также стремление показать его большие словообразовательные возможности нашли своеобразное выражение в приёме толкования «чужесловов». Составитель словаря в поисках равнозначных слов для замены их, а иногда и просто в целях обогащения словарного состава языка прибегал к словотворчеству. Так появились на свет слова: солглас (гармония), живуля (автомат), ловкосилье (гимнастика), посбоба (помощь, подмога), пичужить (любезничать) и некоторые другие. Из соображений тактических В. И. Даль не стремился показать себя автором этих и подобных слов, и потому они в словаре заняли место рядом с обычными словами русской речи. По выходе словаря такая «подделка» была сразу обнаружена, и В. И. Далю пришлось услышать немало упреков за помешение в свой словарь «слов вымышленных или, по крайней мере, весьма сомнительного свойства». В статье под названием «Ответ на приговор» он вынужден был сознаться, что в его словаре есть «слова, не бывшие доселе в обиходе». В. И. Даль не только предпринимал попытку создавать новые слова, он упорствовал, настаивая на закреплении неупотребительных значений за некоторыми словами. С этими значениями он и ввёл их в свой словарь. Так, ему казалось, что современный книжный язык неправильно пользуется словами обывденный и обиходный, обозначать и опознавать. К слову обывденный в «Толковом словаре» даются синонимы: суточный, однодневный, хотя литературный язык употреблял это слово в значении: обыкновенный, повседневный, заурадный. Подобный лексический материал в «Толковом словаре» наименее достоверен, и его наличие несколько осложняет практику пользования им.

Отдельные недостатки и несовершенства не помешали «Толковому словарю» В. И. Даля занять почётное и прочное место в истории русской культуры. Предшествующие словари ставили своей задачей приведение в известность лексических запасов исторического прошлого. В противовес им В. И. Даль создаёт словарь живого русского языка. Оценивать его следует, исходя из указания В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не потому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»³⁵.

«Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком»³⁶.

А. М. Бабкин

³³ В. И. Даль, *Налутное слово*, стр. XVIII.

³⁴ В. И. Даль, *Недовесок к статье «Поятора слова о русском языке»*. Полн. собр. сочин. Т. X, стр. 567.

³⁵ В. И. Ленин, *Сочинения*. 4-е изд. Т. 2, стр. 166.

³⁶ В. В. Виноградов, *Русская наука о русском литературном языке*. Учён. зап. Моск. университета. Вып. 106, т. III, кн. I, М., 1946, стр. 73.

ИЗДАНИЯ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ

В мире создано немало словарей, удивляющих своим объемом и богатством содержания. Но едва ли не самый выдающийся из них — «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Особенно велико значение словаря для русской культуры, образования. Далева словарь — это увлекательное чтение о русском языке, его жизни, истории. Раскрыв страницу любого тома, погружаешься в истинно народную речь, образную, ясную, простую.

Даль начал собирать слова для своего словаря еще восемнадцатилетним юношей и трудился над ним до последних дней жизни. Один из биографов В. И. Даля, писатель Мельников-Печерский так рассказывает о начале работы над словарем.

«По дороге из Петербурга в Москву.. на паре почтовых ехал молоденький мичман. Мичманская одежда, с иголки, плохо его грела. Ямщик.. поглядел на небо и в утешение продрогшему моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу. „Замолаживает“, — сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. „Как замолаживает?“ — спросил он. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окончившими от холода руками пишет. „Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью“... Эти строки, написанные на морозе в 1819 году.., были зародышем того колоссального труда, который ученому миру известен под названием Толкового словаря живого великорусского языка»¹.

Первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля вышло в 1863—1866 годах. Это был итог почти полувекового труда, в результате которого ученый собрал, изучил и систематизировал огромный запас слов и фразеологических выражений русского языка. По богатству лексико-фразеологического материала Далева словарь превосходит все словари, вышедшие в России до и после него.

В. И. Даль стремился включить в свой словарь всю лексику, включая слова, взятые как из памятников письменности, так и из устной народной речи. В основу словаря он положил живой великорусский язык — язык народный со всеми областными наречиями и говорами. Эти лексические материалы В. И. Даль собирал самостоятельно в поездках по стране в продолжение 40 лет. Кроме того, имя В. И. Даля как ученого и собирателя живой русской речи было широко известно среди русской интеллигенции, а потому он, начиная с 1840 года, систематически получал записи народных слов и фразеологизмов то от многочисленных корреспондентов, то при посредстве редакций периодических изданий, печатавших диалектологические статьи или получавших записи народных слов от собирателей.

В работе над словарем В. И. Даль не мог не использовать богатую предшествующую лексикографическую традицию. Об этом он писал в своем «Напутном слове» к словарю. Прежде всего В. И. Даль руководствовался наиболее полным из словарей русского языка — «Словарем церковно-славянского и русского языка», составленным Вторым отделением Императорской Академии наук (СПб., тт. 1—4, 1847). Такой выбор обусловлен тем, что этот словарь был крупным явлением в истории русской лексикографии. Академический словарь пользовался заслуженным авторитетом в передовом русском обществе конца 1-й половины XIX века.

Одновременно с этим толковым словарем русского языка В. И. Даль широко использовал диалектные словари народных говоров и словари промыслов и ремесел: «Опыт областного великорусского словаря», составленного Вторым отделением Императорской Академии наук (СПб., 1852), «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858), «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» Вл. Бурнашева (СПб., тт. 1—2, 1843—1844).

Всего, по подсчету В. И. Даля, в первом издании «Толкового словаря живого великорусского языка» было помещено около 200 000 слов. Из них 80 000 слов он собрал самостоятельно. Примерно 120 000 слов и выражений он излек из предшествующих словарей. Но весь этот лексический материал В. И. Даль перенес в свой словарь не механически: он переработал его и пополнил новыми

¹ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Владимир Иванович Даль. СПб, 1903.

данными. В. И. Даль расположил слова по гнездам, снял стилистические пометы, исключил из круга своей работы «вовсе устарелые слова», уточнил семантическую характеристику слов и фразеологизмов, пересмотрел систему локально-диалектных помет, ввел пометы при словах иностранного происхождения, указывающие на ближайшие источники заимствования. Введя в свой труд лексику литературно-книжного языка и частично словесный фонд памятников старой литературы и доказав тем самым необходимость сближения литературного языка с живой народной речью, В. И. Даль создал такой словарь, который стал самым авторитетным историко-лексикологическим справочником для изучения русского языка XIX в. и последующего времени.

После выхода первого издания «Толкового словаря» появляются рецензии, отзывы ученых, писателей, общественных деятелей. Словарь становится центром, вокруг которого ведутся различные лексикографические работы, прямо или косвенно намеченные В. И. Далем. Появляются дополнения и заметки к словарю с указанием слов, существующих в русском языке, но не учтенных В. И. Далем по каким-либо причинам. В. И. Даль собирает эти материалы для дальнейшего пополнения и исправления словаря, готовя тем самым запас слов и фразеологических выражений для второго издания.

Второе издание «Толкового словаря живого великорусского языка» вышло в 1880—1882 годах уже после смерти В. И. Даля. Правда, он успел внести большие изменения, добавления и поправки в новое издание, хотя окончательно эта работа была проведена редакторами книгопродавца-издателя М. О. Вольфа, который приобрел право публикации словаря у наследников В. И. Даля, и научным редактором (предполагают, что это был профессор П. Н. Полевой).

При подготовке второго издания В. И. Даль не ставил себе задач пересмотра принципов построения словаря. По-прежнему он сохранил корнесловный (гнездовой) способ группировки слов, при котором группы слов, возводимых к общему корню, объединяются в гнезда, а во главе гнезда ставится исходное слово или самый корень, как это было сделано в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1789—1794). Основная работа для второго издания словаря велась в следующих направлениях: дополнялся и расширялся лексический и фразеологический материал (в словарь введено свыше 1500 новых слов, около 300 пословиц и поговорок), уточнялась семантическая характеристика ряда слов. Кроме того, Даль устранил ряд сомнительных слов, переставил несколько заголовочных и внутригнездовых слов и исправил некоторые неверно построенные гнездовые статьи, уточнил этимологию и орфографию слов и фразеологизмов.

Из многочисленных критических разборов словаря, опубликованных еще при жизни В. И. Даля, заслуживают быть отмеченными дополнения и поправки Я. К. Грота и Л. И. Шренка. Уже после смерти В. И. Даля были напечатаны имевшие принципиальное научное значение дополнения и заметки к словарю И. Ф. Наумова и П. В. Шейна, которые были учтены редакторами второго издания. Из критических разборов словаря и дополнений к нему В. И. Даль, а также редакторы внесли во второе издание словаря свыше 550 новых слов и выражений.

Таким образом, в сравнении с первым второе издание словаря представляет собой более полное собрание слов и фразеологизмов русской живой и письменной речи XIX века. В лексикографическом отношении второе издание более совершенно, отражает последнюю волю автора словаря, которую учли после кончины В. И. Даля его редакторы.

Третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» вышло в свет в 1903—1909 годах. Прежде чем приступить к новому изданию словаря, издательство М. О. Вольфа обращается ко многим выдающимся знатокам русского языка — академикам, профессорам, писателям, в числе которых были А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, А. Н. Пыпин, Е. Ф. Будде, С. К. Булич, А. Ф. Кони, Д. Л. Мордовцев, С. А. Венгеров, — с просьбой высказать мнение, следует ли новое издание словаря совершенно переработать в соответствии с замечаниями критиков и рецензентов или же сохранить его в прежнем виде, лишь исправив явные погрешности и дополнив новыми материалами.

Подавляющее большинство ученых и писателей высказывается за то, что текст «Толкового словаря живого великорусского языка» следует сохранить в неприкосновенности, исправив вкрапшиеся ошибки, вставив пропущенные по каким-либо причинам слова и их толкование и связав словарь с современным состоянием лингвистической науки. Такие же взгляды разделяет и профессор Петербургского университета выдающийся лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, который соглашается быть редактором третьего издания словаря.

«Словарь Даля, — пишет он в предисловии к третьему, исправленному и дополненному изданию словаря, — составляет неоспоримое сокровище. Это труд единственный в своем роде». «Трудно найти другой словарь, совмещающий в себе столько материала, почерпнутого одним только лицом из живого, разговорного языка известного народа. Словарь Даля является не только одною из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения мирозерцания русского народа. Чего только стоит одно обилие сочных и метких изречений и пословиц!»

И. А. Бодуэн де Куртенэ и его помощники считают, что «Толковый словарь живого велико-

русского языка» «сам по себе заслуживает переиздания и останется навсегда памятником литературы», однако свою редакторскую задачу, как это указано в послесловии, они понимают «прежде всего в смысле усовершенствования некоторых подробностей внешней отделки словаря, исправления ошибок и включения слов, почему-то пропущенных Далем, а также тех новых слов, которыми обогатился живой русский язык за последние годы. Но Даль все-таки должен был остаться Далем — и он им остался».

В третьем издании И. А. Бодуэн де Куртенэ полностью сохраняет текст второго издания в том виде, в котором он был дан самим Далем, издателями и редакторами словаря. В то же время И. А. Бодуэн де Куртенэ вносит в этот текст некоторые дополнения, уточнения, устраняет очевидные ошибки предшествующего издания. Все эти изменения оговорены им в предисловии к третьему изданию², а в тексте даны в квадратных скобках [ ], так что в третьем издании четко разграничиваются текст В. И. Даля и текст И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Главную свою редакторскую задачу И. А. Бодуэн де Куртенэ понимает прежде всего в том, чтобы «сделать возможным пользование [словарем] без затруднений и без непроизводительной траты времени». Он писал об этом: «С практической точки зрения я большой поклонник алфавитного порядка. Думаю, что лучше всего сообщать слова в алфавитном порядке (т. е. статьи со всеми объяснениями слов и их разветвлениями). Рядом с этим весьма желательно упорядочить слова по группам с разных точек зрения. Пользующийся подобным систематизированным списком может сам подыскивать слова в основном словаре».

Все слова, которые были помещены В. И. Далем в гнезда и которые нельзя было найти по алфавитному порядку словаря, И. А. Бодуэн де Куртенэ дает на своем алфавитном месте с указанием смотреть заглавное слово гнезда, где это слово остается вместе с описанием его значения и с относящимися к нему примерами. Например: [**Банкёр** см. *банк*], [**Высун** см. *высокий*], [**Гарный** см. *гордый*]. Слово *восстание* помещено В. И. Далем в гнездо *встать*. И. А. Бодуэн де Куртенэ сохраняет слово *восстание* в этом гнезде, но одновременно располагает его по алфавиту после *восставать* с указанием: см. *встать*. Таким же образом он поступает во всех подобных случаях: [**Авторник** см. *вторник*], [**Алкотá** см. *алкать*] и т. д.

Слова, помещенные в гнезда, И. А. Бодуэн де Куртенэ называл «почти потерянными для словаря». «Иногда [они] так хорошо упрятаны, что даже специалисту по языку приходилось долго думать и искать, пока ему удастся открыть место ссылки интересного незнакомца».

В ряде случаев, когда слово по своему значению никоим образом не могло относиться к данному гнезду, куда оно попало только благодаря смешению понятий, редактор третьего издания выводил его из гнезда и переносил на положенное место по алфавиту вместе с его производными словами и соответствующими примерами. Таким образом, в третьем издании словаря получились новые гнезда, отсутствующие в двух первых.

Например, в гнезде *акт* первых двух изданий помещались слова *акт*, *актёр* и *акция* с их производными. В бодуэновском издании словаря это гнездо разбито на три новых: *áкт*, *áктёр*, *áкция*. Из одного гнезда *банда* получилось два: *бáнда* 'толпа, шайка, ватага' и *бандáж* 'врачебная повязка'.

Большую работу проделал И. А. Бодуэн де Куртенэ и его сотрудники над омонимами. Одинаково написанные, но имеющие разное значение слова были оформлены как отдельные словарные статьи и снабжены порядковыми цифрами, при этом выведенные И. А. Бодуэном де Куртенэ из гнезда слова даны в квадратных скобках. Например:

1. Дерка́ч, м. луговая птица.

[2. Дерка́ч см. *дёрка*]

[3. Дерка́ч см. *дёргать*]

В соответствующих гнездах можно найти определения этих омонимов:

Дёрка .. голик, голый веник

Дёргать .. кто дергается, кривляется

Подсчитано, например, что только в словах на букву Б И. А. Бодуэном де Куртенэ было создано 145 таких ссылочных статей с омонимами.

Редактор третьего издания ввел в текст словаря новые слова и выражения, которые по разным причинам отсутствовали в первых двух изданиях. Прежде всего, сюда вошли слова из записей самого И. А. Бодуэна де Куртенэ, которые он вел во время своей профессуры в Казанском университете (1875—1883). В основном это диалектные записи слов и выражений с пометами-названиями тех губерний, в которых бывал И. А. Бодуэн де Куртенэ. Образцом подобных записей могут служить следующие примеры: *взгёркать* вят. 'вскрикивать грубым голосом, громко окрикнуть'; *вболоко* зап. 'облако' и т. д.

² Далее без указания страниц цитируется это предисловие.

Собранные им диалектные материалы дают возможность увеличить число помет, указывающих на территорию распространения слова. Так, у В. И. Даля к слову *веньгуша* 'плаксивый человек' даются пометы вят., перм., а И. А. Бодуэн де Куртенэ добавляет вологод., сиб.; к слову *весельство* 'радость, удовольствие' у В. И. Даля помета арх., И. А. Бодуэн де Куртенэ прибавляет еще две пометы каз. и вят. и т. д.

Наблюдая за развитием русского языка, И. А. Бодуэн де Куртенэ считал, что словарь должен отражать все социальные изменения, происходящие в речевой деятельности. По этой причине он вводит в словарь такие слова и выражения, как *вёйка* м. 'извозчик из чухонцев, промышляющий в Петербурге только во время масленицы'; *дэпа* ж. 'Послали за «дэпы начальником», так величают старшего слесаря на железнодорожных станциях'; *прокатить на вороньих* 'при баллотировке забаллотировать, накласть кому «черняков» — «черных», неизбирательных шаров'.

Тем же вниманием И. А. Бодуэна де Куртенэ к изучению социального аспекта речевой деятельности объясняется и то обстоятельство, что «исходя из научных соображений и имея в виду полноту словаря живой русской речи», он включает в третье издание ряд грубых и бранных слов. Свою позицию в этом вопросе он позднее излагает в предисловии к четвертому изданию словаря и в специальной статье «Замечания о русско-польском словаре»³.

Много добавлений в третье издание было внесено из «Словаря русского языка, составленного вторым отделением Академии наук» под редакцией Я. К. Грота и А. А. Шахматова (СПб., тт. 1—2. А — З, 1891—1907). В основном это были книжные слова с переносными значениями, отсутствовавшие в словаре В. И. Даля. Так, в третьем издании, например, появляется слово *виадук* м. 'мост через сухой овраг или лошину, сооруженный для продолжения дороги; путепровод'; новые значения у слов *винегрёт* м. ирон. 'вообще смесь разнородных предметов'; *вокзал* м. 'железнодорожный путевой двор, дебаркадер, строение, где собираются пассажиры для отъезда' и т. д.

Другая серия добавлений связана с двумя диалектологическими словарями, изданными Академией наук: «Опытном областного великорусского словаря» (СПб., 1852) и «Дополнением к опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858).

При подготовке первого и второго изданий словаря В. И. Даль использовал эти два источника, но, как оказалось, при проверке, сделанной И. А. Бодуэном де Куртенэ, он довольно много слов из этих словарей в свой словарь не включил. И. А. Бодуэн де Куртенэ внес в третье издание из этих словарей все то, что по каким-либо причинам не вошло в предыдущие издания словаря В. И. Даля, хотя, как редактор этого издания, отметил, что «к словам, заимствованным из «Опыта» и из «Дополнений к опыту» надо относиться крайне осторожно, ибо, по верному замечанию самого Даля, «оба эти сборника слов составлены весьма не критично».

Если подсчитать количество новых слов, значений, примеров и уточнений, введенных И. А. Бодуэном де Куртенэ, то только на букву В в третьем издании их помещено свыше 380. Третье издание было пополнено многочисленными терминами, относящимися к зоологии и биологии. Для этой цели второе издание словаря В. И. Даля было сверено с показаниями всех авторитетных зоологических и биологических словарей. Уточнялось не только толкование значений русских терминов, но и их латинская номенклатура.

После выхода в свет первого издания словаря критики и рецензенты отмечали, что этимологические разъяснения автора представляют собой наиболее уязвимое место в словаре. Едва ли не самую важную причину они видели в том, что В. И. Даль не владел сравнительно-историческим методом. Сам В. И. Даль понимал свои недостатки и не стремился к этимологическим разъяснениям в словаре, основываясь в толковании слов по большей части на интуитивных догадках и на таких романтических понятиях, как «дух языка», «народный дух».

В качестве ложных этимологий В. И. Даль можно указать на объяснение происхождения имен существительных *вэйлок* и *дёмра* и наречия *дотла*. Первое слово он этимологически возводил к глаголу *валить*, второе считал коренным русским или славянским, произведенным от глагола *дуть*. Между тем оба эти слова тюркского происхождения: первое связано с татарским языком, а второе — с калмыц. *домр*, кирг. *домра*, *домбра*, *дунбура*, татар., каз. *думбра* 'балалайка'. Наречие *дотла* правильное соотносить с древнерусским именем существительным *тло* 'дно, основание' и т. д.⁴

Естественно, И. А. Бодуэн де Куртенэ — выдающийся теоретик и историк языка, знаток индоевропейских и тюркских языков — не мог не обратить внимания на ложные этимологии в словаре В. И. Даля. В третье издание он вводит ряд условных обозначений. Например: восклицательный знак в квадратных скобках [!], с помощью которого указывает на неправильность толкования В. И. Далем значения слова. Этот знак «перед словом или фразой указывает, что следующее слово или следующая фраза никак не подходит к данному «гнезду»». После слова или выражения этот знак

³ См.: Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. 6.

⁴ Этимологические взгляды В. И. Даля проанализированы в книге: К а н к а в а М. В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.

указывает также на ложные этимологии В. И. Даля. Вопросительный знак в квадратных скобках [?] выражает сомнение «по поводу Далева толкования», а «перед словом или фразой означает слово или фразу сомнительную».

Но в ряде случаев И. А. Бодуэн де Куртенэ исправляет, уточняет и дополняет историко-этимологические справки В. И. Даля. Особенно это касается слов иноязычного происхождения, установления путей проникновения их в русский язык.

Вот два примера.

2-е издание

Драбáнт м. нем. трабант, телохранитель, вожатый. Во время сражений, у нас назначают к командующим частями войск *трабантов*, для охраны в опасности.

Драпировáть что, покрывать или завешивать тканью, убирать в складках

3-е издание

Драбáнт м., [польск. drabant], нем. [Trabant с венгер. darabant, турец., перс. derbân, привратник], трабант, телохранитель, вожатый. Во время сражений у нас назначают к командующим частями войск *трабантов*, для охраны в опасности.

[**Драпрí** нескл. ср., франц. draperie, занавески со складками]. **Драпировáть** [нем. drapieren от франц. draper], что, покрывать или завешивать тканью, убирать в складках.

И. А. Бодуэн де Куртенэ внес исправления и дополнения в грамматические комментарии к объяснению слов.

Так, в имена существительные с подвижным ударением и изменчивым составом основы редактор третьего издания прибавляет в скобках окончание формы родительного падежа, например, *бобырь* [род. -*ыря*], *бобырéc* [род. -*ырд*], *геруно́к* [род. -*ункá*] и т. д.

И. А. Бодуэн де Куртенэ восстанавливает в соответствии с указаниями первого издания словаря окончание формы родительного падежа единственного числа существительных мужского рода на -у: *дому*, *дыму*, *жару*, *урожаю* и т. п. В тех случаях, когда редакторы второго издания, искажая волю В. И. Даля, давали форму на -а, И. А. Бодуэн де Куртенэ стремился восстановить в своих правах формы живой русской речи. Ср. пословицы из третьего издания: *Краше цвету белого, белее снегу белого; С берегу море красно; Жару в шапку не нагребешь* и т. п.

Наконец, все словарные статьи, посвященные отдельным буквам русского алфавита, основательно перерабатываются И. А. Бодуэном де Куртенэ в соответствии с новейшими для того времени психолингвистическими взглядами на природу языка и речи. В этих статьях было устранено смешение, отождествление понятий буквы и звука.

Благодаря дополнениям И. А. Бодуэна де Куртенэ объем «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля увеличивается примерно на 15%. В третье издание входит не менее 20 000 новых слов. Всего в этом издании помещено около 220 000 слов. Несмотря на дополнения, в третье издание не вошло, по тем или другим причинам, много новых слов, примеров и толкований. Следует учесть и то, что за семь лет, в течение которых печаталось третье издание словаря, русский язык обогатился новыми словами и выражениями. Все эти материалы, как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, «собираются редакцией», их он хотел издать в виде дополнительного, пятого тома словаря В. И. Даля. Но лексикографические материалы пятого тома, к сожалению, утрачены. В 1912 году бодуэновское издание «Толкового словаря живого великорусского языка» было напечатано вновь, и оно известно как четвертое издание.

В 1935 году Государственное издательство «Художественная литература» выпустило изготовленный фототипическим способом «Толковый словарь живого великорусского языка» со вступительной статьей, написанной А. М. Сухотинным. Это факсимильное издание воспроизводит текст второго издания 1880—1882 годов. В 1955 году (с повторением в 1956 г.) Государственное издательство иностранных и национальных словарей предпринимает новое издание словаря В. И. Даля со вступительной статьей А. М. Бабкина (оно тоже набирается и печатается со второго издания 1880—1882 гг.). Это издание словаря устранило орфографические погрешности, опечатки второго издания. Издательство «Русский язык» в 1978—1980 годах (с повторением в 1981—1982 гг.) выпускает в свет еще одно издание словаря. Оно воспроизводит в уменьшенном формате фотомеханическим способом издание 1955 года, в свою очередь набранное и напечатанное со второго издания. Настоящее издание — также воспроизводит издание 1955 г. Таким образом, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля выходит восьмым (а с учетом повторений 1956 г. и 1981—1982 гг. — десятым) изданием.

Вомперский В. П.